

ИСТОЧНИКИ

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ СЕЛА ОКРУГА ТОКАТ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ИЕЗУИТА: КНЯЖЕСКАЯ СВАДЬБА И ВЕРСИЯ «САГЪÆСТÆ» ТЕМИРБОЛАТА МАМСУРОВА

Г. В. Чочиев

Статья иезуитского миссионера в Османской империи Антуана Пуадебара, опубликованная в оригинале в 1907 г., содержит наблюдения и свидетельства, касающиеся северокавказской, в особенности осетинской, общины токатского региона Центральной Анатолии. Наиболее ценным представляется текст осетинской песни, очевидным образом перекликающийся с «Сагъæстæ» («Думами») Темирболат Мамсурова. Сравнение двух стихов выявляет как многочисленные совпадения, так и безусловные расхождения между ними при в целом заметно меньшей сюжетной полноте вновь публикуемого варианта. Небезынтересно свидетельство Пуадебара о создании этого произведения лицом по имени Мурад-бей, которое, по нашему мнению, тождественно Т. Мамсурову. Кроме того, заслуживают внимания описанный в статье обряд бракосочетания представителя аристократического семейства, несущий в себе немало элементов, характерных для эталонной традиционной свадьбы, а также целый ряд других социокультурных деталей: от музыкальных и хореографических пристрастий местных жителей до специфики межсословных отношений внутри северокавказских иммигрантских групп. Данный материал на сегодняшний день является одним из наиболее значимых и содержательных письменных источников, проливающих свет на прошлое осетинской диаспоры на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: османская Анатолия, Токат, иезуитские миссионеры, северокавказские иммигранты, Темирболат Мамсуров, осетинская песня, традиционная культура, свадебный обряд.

The article by a Jesuit missionary in the Ottoman Empire Antoine Poidebard, which was published originally in 1907, contains observations and evidence concerning the North Caucasian, in particular Ossetian, community settled in the Tokat region of Central Anatolia. The most valuable feature of this publication appears the text of Ossetian song, obviously reminiscent of the «Saghæstæ» («Thoughts») by Temirbolat Mamsurov. Comparison of the two verses reveals both multiple coincidences and indisputable discrepancies between them along with the distinctly lesser completeness of the plot of the newly published version in whole. Rather interesting is Poidebard's indication that the poem has been created by a person named Murad Bey, who, in our opinion, is identical to T. Mamsurov. Besides this, noteworthy is the marriage ceremony of a member of local princely family comprising a lot of elements characteristic of the model traditional wedding, as well as a number of other socio-cultural details: from musical and choreographic preferences of local residents to the specificity of inter-class relations within the North Caucasian immigrant groups. The material in question is currently one of the most significant and informative written sources to shed light on the past of the Ossetian diaspora in the Middle East.

Keywords: Ottoman Anatolia, Tokat, Jesuit missionaries, North Caucasian immigrants, Temirbolat Mamsurov, Ossetian song, traditional culture, wedding ceremony.

Изучение истории и культурного наследия северокавказских общин в Османской империи предполагает привлечение, помимо турецких, также и европейских источников и документов. В последние полтора столетия своего существования слабеющее, но все еще обширное и достаточно мощное османское государство привлекало пристальный интерес иностранных дипломатов, военных, разведчиков, коммерсантов, миссионеров, наконец, просто путешественников, многие из которых оставили отчеты и воспоминания о своем пребывании в стране, опубликованные порой в довольно редких и даже экзотичных изданиях эпохи. Именно поэтому ценные, зачастую уникальные свидетельства, характеризующие различные стороны жизни султанской державы и отдельных ее регионов и народностей, могут быть обнаружены в весьма неожиданных на первый взгляд собраниях материалов.

Представленная ниже статья в оригинале увидела свет в 1907 г. в журнале «Этюд» [1], основанном членами Общества Иисуса, более известного как орден иезуитов. В этом солидном издании, выходившем в Париже дважды в месяц с 1856 по 1940 г., получили отражение, наряду с сугубо теологическими вопросами, разнообразные аспекты практической деятельности ордена, в том числе его разбросанных по всему миру миссий.

Одной из них являлась так называемая миссия Малой Армении, созданная в 1881 г. по личному указанию папы Льва XIII в целях «возвращения» в лоно римской церкви армянских григориан-«схизматиков» и противодействия влиянию на них американских протестантских проповедников. Зона ее пастырской ответственности, установленная самим понтификом, включала в себя полностью Сивасский и Аданский и частично Трабзонский и Анкарский вилайеты империи, то есть значительную область Центральной Анатолии между Черным и Средиземным морями¹ [3, 149-150]. Как и в других местах, евангелизаторская тактика иезуитов строилась здесь на приоритете налаживания тесных

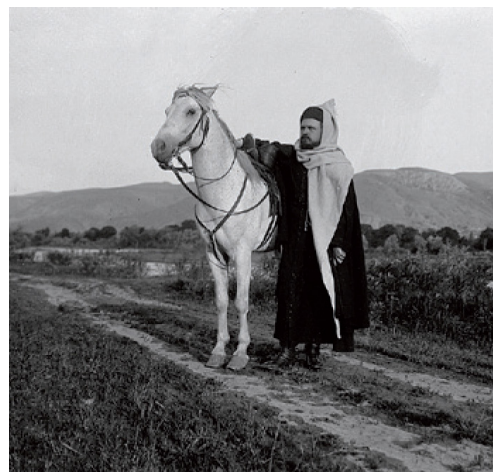

Рис. 1. Антуан Пуадебар в Токате. 1904-1907 гг. (источник: [7, 12])

отношений с обитателями окружающих сел и городов через посредство прежде всего образовательных и медицинских учреждений и подтверждения личным примером христианских добродетелей и в целом превосходства западной цивилизации. В соответствии с этими задачами в последующие годы прибывшими из Франции членами ордена в этой глухой и отсталой османской глубинке были открыты десятки школ, диспансеров, приютов и ремесленных мастерских, безвозмездно оказывавших не только армянам-католикам, но и представителям других этноконфессиональных групп услуги на уровне европейских стандартов того времени [4, 787-790]. Верные принципам терпения, трудолюбия и самоотречения, святые отцы — монахи, педагоги, врачи — регулярно демонстрировали достойные уважения, временами сопряженные с риском для жизни образцы духовного и физического подвижничества, что не могло не привлекать к ним симпатии местного населения².

Обращает на себя внимание также характерный для иезуитских миссионеров живой интерес к истории и социально-культурным особенностям регионов, в которых им приходилось жить и выполнять свои обязанности. Приобретенное на родине, как правило в специализированных учебных заведениях ордена, фундаментальное гуманитарное образование позволило им во многих случаях сделать,

пусть и сквозь призму собственного религиозного мировоззрения, весьма тонкие и любопытные наблюдения и зарисовки, представляющие определенную ценность в качестве исторических и этнографических источников. Отметим в связи с этим, что целый ряд лиц, трудившихся в конце XIX — начале XX в. в составе названной миссии, в дальнейшем продолжили начатые в Анатолии любительские изыскания уже на профессиональной основе и стали признанными авторитетами в областях науки, далеко выходящих за рамки богословия³. К числу их принадлежит, бесспорно, и автор публикуемого материала, личность многогранная и неординарная, на которой следует остановиться подробнее.

Антуан Пуадебар родился в 1878 г. в Лионе. Там же окончил иезуитскую коллегию (гимназию) и в 1897 г. вступил в орден. В 1904 г. был послан в Османскую империю и три года проработал ассистентом доктора в г. Токат, где располагалась одна из станций миссии Малой Армении. По завершении в 1907-1910 гг. своего теологического образования в Европе был рукоположен в сан священника и в 1911 г. вернулся в Анатолию, на этот раз возглавив станцию в Мерзифоне, а затем в Сивасе. За эти годы он в совершенстве изучил турецкий и армянский языки. Во время Первой мировой войны служил в действующей армии в качестве полкового капеллана, а с 1918 по 1921 г. состоял во французских военных миссиях в Закавказье — в Армении и Грузии. В 1924 г. получил диплом парижского Института восточных языков и начал преподавать в католическом университете Сен-Жозеф в Бейруте, одновременно внося большой вклад в дело оказания помощи скопившимся там армянским беженцам из Турции. Следующие два с половиной десятилетия своей жизни Пуадебар посвятил поиску памятников древности на Ближнем Востоке с применением авиации, которой он увлекся еще в военный период⁴. В ходе организованных при поддержке Французской академии надписей и словесности экспедиций он открыл в регионе методом аэрофотосъемки сотни поселений, укреплений и дорог финикийской, римской

Рис. 2. Ахмед-бей, черкесский вождь из Токата. 1904 г.

Фото А. Пуадебара (источник: [7, 44]).

и византийской эпох, став таким образом одним из основоположников воздушной археологии. Результаты этих исследований были им описаны и интерпретированы в нескольких монографиях. Значительную историко-культурную ценность представляет также обширная коллекция фотографий, сделанных им на протяжении жизни во всех странах, где ему приходилось бывать. Умер Пуадебар в Бейруте в 1955 г. [7, 11-29].

События, описанные в интересующей нас статье, имели место в токатский период жизни автора, вероятнее всего в 1905-1906 гг., когда он был еще совсем молодым человеком (рис. 1). «Мое поле деятельности обширно. Это город Токат и сотня селений, расположенных в радиусе пятидесяти километров. Мои несчастные пациенты многочисленны, как опавшие листья осенью. И все они так обездолены, так достойны сострадания!» — писал он в одном из своих отчетов с места работы⁵ [8, 401].

В рассматриваемое время санджак (округ) Токат входил в состав большого Сивасского вилайета. Данная территория издавна отличалась немалой пестротой населения. Кроме численно доминировавших турок, здесь проживали армяне, греки, курды и др.; при этом турки и курды делились на суннитов и алевитов (кызыл-башей), а армяне — на григориан, протестантских и католиков.

стантов и католиков. С конца же 1850-х гг. эта область превратилась, в соответствии с политикой Порты, в зону интенсивной северокавказской колонизации. В результате за следующие полстолетия прибывшими с Кавказа иммигрантами (мухаджирами) различной этнической принадлежности — адыгами, абазинами, дагестанцами, осетинами, карачаевцами — было создано в пределах санджака около полутора сотен сел⁶ [10, 309, 329-330, 355, 415-417]. В данной связи уместно напомнить, что в османской традиции все северокавказцы обычно собирательно именовались черкесами. Пуадebar, как и многие современные ему европейские авторы, посещавшие Ближний Восток, также недифференцированно использовал в своем произведении этот термин (либо его французский эквивалент «сиркасян»), хотя был хорошо осведомлен об этноязыковой неоднородности кавказских переселенцев, с которыми поддерживал близкие отношения. Так, в другой своей заметке о жизни региона он ясно указывает, что «черкесы окрестностей Токата подразделяются на двенадцать племен, каждое из которых имеет свой диалект и свои обычаи»⁷ [8, 413] (рис. 2).

В материале Пуадебара речь идет о двух «черкесских» селениях.

Первое — Батманташ — в некотором смысле уникально. Оно было основано генералом русской службы, а затем османским пашой Мусой Кундуховым, осетинским алдаром, который в 1865 г. возглавил переселение около 5 тыс. семейств чеченцев, осетин и кабардинцев в султанские владения. Вскоре после прибытия на новую родину он приобрел пустующую землю в относительно изолированной гористой местности в 40 км юго-восточнее г. Токат и обосновался там вместе с ближайшим окружением из числа осетинской и кабардинской знати и представителями зависимых сословий⁸. Подвизавшийся в местной иезуитской станции несколькими годами раньше Пуадебара преподобный отец Жирар дополняет историю поселения северокавказцев в Батманташе любопытными деталями:

«Это село еще лет двадцать-тридцать назад было населено греками. Бедняги, вообразив себе, что они будут гораздо счастливее в России, приняли весьма необдуманное решение. В один прекрасный день, возглавляемые своим попом, они двинулись в сторону Сиваса с длинной вереницей повозок, груженных их добром. Оттуда они, не теряя времени, добрались до Эрзурума и перешли границу, полагая, что попали, наконец, в обетованную землю, где их ждут молочные реки и медовые берега. Заблуждение длилось недолго. Русские власти приняли их довольно плохо. В конце концов им выделили землю, но ее еще требовалось возделывать, и наши переселенцы претерпели чрезвычайные мучения. Некоторые умерли от тяжелого труда, остальные стали горько сожалеть о том, что покинули свою страну. И вот, никому не говоря ни слова, они вновь погрузили свой скарб на повозки, пересекли в обратном направлении границу и, пройдя этап за этапом тот же путь, вернулись в Батманташ. Однако за годы их отсутствия их жилищами успели завладеть черкесские эмигранты из России. Те из вернувшихся греков, которые отваживались требовать назад свои дома и поля, получали от новых хозяев ответ, соответствующий нашему выражению «кто уходит на охоту, теряет свое место». В результате им пришлось расселиться по окрестным деревням» [12, 84].

Жирар также сообщает, что Батманташ является «одним из красивейших селений этих краев», в котором «...многие дома построены из камня, а некоторые, принадлежащие беям, прилично смотрелись бы и в наших альпийских деревнях» [12, 83-84].

В 1878 г. григорианский архимандрит Гарегин Срвандзтянц описал Батманташ как «вновь основанное на склоне горы черкесское селение с чистыми домиками», отметив, что «воздух, вода и земля здесь удивительны, только зима сурова». И далее: «На краю селения на холме стоит дом черкеса Муса-паши. Он построен совершенно в европейском вкусе, на извести,

с большими стеклянными окнами; перед домом маленькая мечеть» [13, 34]. Несомненно, что привлекавший внимание современников своей необычной архитектурой особняк — это тот самый господский «конак», который фигурирует и в рассказе Пуадебара⁹.

Не вполне однозначен вопрос этнического состава населения Батманташа. Как было отмечено, изначально село возникло как осетино-кабардинское. Можно, однако, предположить, что уже в первые годы его существования началось постепенное ослабление в нем осетинского элемента вследствие переезда некоторых его ключевых представителей в города (например, основатель села Муса Кундухов в 1877 г. покинул его и впоследствии обосновался в Эрзуруме [11, 67,73]), но в особенности из-за культурно-языковой ассимиляции осетин, находившихся в абсолютном меньшинстве в масштабах локальной северокавказской общины, более многочисленными адыгами. Ко времени посещения Батманташа Пуадебаром этот процесс был, безусловно, еще далек от завершения. Несмотря на то, что французский миссионер без лишних сомнений называет местный правящий клан кабардинским, впечатливший его «гимн», исполняемый здесь по торжественным и обыденным поводам по-осетински (подробнее об этом ниже), свидетельствует о по меньшей мере смешанном происхождении и двуязычии элиты и основной массы рядовых сельчан. Впрочем, очевидно, что в последующий период действие указанных тенденций продолжалось, и во второй половине XX в. Батманташ окончательно стал идентифицировать себя как адыгский населенный пункт, хотя некоторые из его обитателей по сей день хорошо помнят свои осетинские фамилии¹⁰, а «велибак» (*уæлибæх*) и «кабин» (*хъæбын*) входят в число «фирменных» блюд деревенской кухни [15].

Второе из упомянутых Пуадебаром селений — Чырчыр — оставило менее заметный след в исторических источниках. Оно расположено на расстоянии пример-

но двадцати километров к югу от Батманташа на окруженной горами равнине и в настоящее время административно относится к илу (провинции) Сивас. Село было основано в начале 1860-х гг. и населено до сих пор этническими абазинами-тапанта, но не исключено присутствие в нем в прошлом кабардинского и осетинского элементов. На первое предположение наводят адыгское неофициальное название села — Каледес (букв. «сидящие в крепости») — и кабардинское происхождение нескольких проживающих здесь фамилий [16, 87-88; 17], а на второе — наличие на первых местах в списке популярных традиционных угощений местных жителей в дополнение к двум вышеназванным блюдам еще и «картофджин» [18]. Примечательно, что Чырчыр и Батманташ сегодня, как, по-видимому, и в начале прошлого века, состоят в особых отношениях друг с другом и считаются селами-побратимами [19].

Что касается содержания самого публикуемого материала, то наиболее ценным в нем является, бесспорно, текст осетинской песни (гимна, по определению Пуадебара), явным образом перекликающийся с «Сагъæстæ» («Думами») Темирболата Мамсурова. К сожалению, автор статьи приводит на языке оригинала только одно четверостишие (возможно, служившее рефреном всей песни), давая это произведение в полном виде в переводе на французский язык, который, скорее всего, был выполнен для него кем-то из образованных жителей села¹¹. Оставляя специалистам-филологам оценку художественно-языковых и смысловых особенностей зафиксированного Пуадебаром памятника, заметим лишь, что даже при его беглом сравнении с известными вариантами «Сагъæстæ» можно обнаружить как совпадения, так и расхождения при в целом меньшей сюжетной полноте (некоторой «обедненности») вновь публикуемого текста¹². Кроме того, с учетом высказывавшихся в свое время в литературе предположений о преимущественно народной, традиционной-фольклорной основе данной песни [20,

289-290] немаловажными представляются свидетельства батманташских информаторов Пуадебара о ее создании (написании) совершенно определенным, причем хорошо известным им лицом.

На этой личности нам придется немного задержаться. По утверждению Пуадебара, основанному, естественно, на сообщениях его знакомых сельчан, авторство стихов песни принадлежит некому Мурад-бею, «одному из виднейших вождей этой эмиграции», умершему в Токате за четыре года до изложенных в статье событий. Означает ли это, что автором стихотворения является не Т. Мамсуров, и если да, то о ком может идти речь? Прежде всего приходит на память то обстоятельство, что, согласно Б. Алборову, в конце XIX — начале XX в. в осетинском обществе бытовало представление о принадлежности текста песни «Сагъæстæ», занесенной из Анатолии на Кавказ осетинскими участниками русско-турецкой войны 1877-1878 гг., перу самого Мусы Кундухова, вдохновителя и организатора переселения 1865 г. Однако это мнение было опровергнуто еще его сыном Бекиром Сами-беом, посетившим советскую Россию, в том числе Владикавказ, в 1920 г. в ранге министра иностранных дел кемалистской Турции и, собственно, открывшим Осетии Темирболат-поэта [20, 262-263]. К тому же Кундухов никогда не был известен своим пристрастием к стихотворчеству, да и умер и похоронен он не в Токате, а в Эрзуруме в 1889 г. С другой стороны, Темирболат, доводившийся племянником генералу и вместе с ним покинувший родину, по имеющимся сведениям, практически весь послеэмиграционный период своей жизни провел в округе Токат, главным образом в Батманташе, где и завершил свои дни в 1899 г., что гораздо ближе ко времени посещения села иезуитами. Несмотря на то, что поэта вполне обоснованно принято считать противником и даже жертвой решения его дяди об уходе в Османскую империю, своими земляками и сородичами на новой родине он, несомненно, не

мог не ассоциироваться в первую очередь с инициировавшим это движение правящим кланом, тем более что, по некоторым данным, в течение долгого времени являлся управляющим именем Муса-паши [20, 270]. Таким образом, в биографии Т. Мамсурова ничего существенным образом не расходится с приведенной Пуадебаром информацией об авторе песни, за исключением, разумеется, его имени. Это противоречие, однако, может иметь довольно простое объяснение, если принять во внимание, что популярный в среде кавказских горцев антропоним «Темирболат», несмотря на его тюрко-персидские корни, был по существу неведом в Анатолии и его владелец с большой вероятностью был обречен на то, чтобы обзавестись здесь еще одним, более удобопонятным для окружающего мусульманского населения и османских чиновников именем «для внешнего пользования», под которым, видимо, и стал известен нашему миссионеру. Во всяком случае мы не видим достаточных оснований для того, чтобы предполагать наличие в Батманташе в указанный период другой фигуры, наделенной столь явным поэтическим даром, но оставшейся до настоящего времени абсолютно неизвестной соотечественникам как на Кавказе, так и в Турции.

Заслуживающим внимания является также центральный сюжет повествования Пуадебара, посвященный бракосочетанию члена местного аристократического (княжеского) дома. Описанная им обрядность, вне всякого сомнения, содержит немало этнографических и фольклорных деталей, характерных для эталонной традиционной свадьбы, и представляет интерес по меньшей мере в сравнительно-культурологическом плане. Помимо этого, в публикуемом тексте можно найти и ряд других весьма информативных социокультурных подробностей — от образчиков внутриобщинных межсословных отношений до развевающегося над резиденцией «владельцев» Батманташа красно-белого(!) флага, — оценка которых выходит за рамки формата вступительной статьи.

В заключение считаем необходимым хотя бы в нескольких словах воздать должное Пуадебару за его труд. Приведенный в чужую ему страну идеалами добра и гуманистического подвижничества, этот человек проникся здесь искренним уважением и сочувствием к утратившему родину, но сохранившему достоинство и верность своим духовным традициям народу и среди множества нелегких миссионерских и медицинских обязанностей

нашел возможность запечатлеть, пусть и в кратком очерке, неизвестные нам стороны жизни наших соотечественников в Анатолии начала минувшего века. Других столь же значимых и содержательных письменных источников, проливающих свет на прошлое осетинской диаспоры на Ближнем Востоке, пока обнаружено совсем немного.

Примечания к статье Пуадебара, если не указано иное, принадлежат ее автору.

Примечания

1. Выбор названия данной миссии был продиктован скорее историческими и религиозными аллюзиями, чем социально-демографическими реалиями региона. Так, согласно османской статистике, в 1894 г. в Сивасском и Аданском вилайетах насчитывалось 1345572 чел., в том числе 1142636 мусульман, 158095 армян (включая 4876 католиков и 4138 протестантов), 44075 греков. В Трабзонском и Анкарском вилайетах доля армян была еще ниже [2, 155]. Религиозным наставлением населения остальной части турецкой Армении («Великой Армении») были уполномочены заниматься миссионеры ордена доминиканцев [3, 256].

2. Многочисленные свидетельства подобного бескорыстного служения обездоленным, несчастным и больным и ответной признательности местных жителей содержатся в еженедельном бюллетене «Ле мисьон католик», хотя такой источник, безусловно, не может быть полностью беспристрастным.

3. Достаточно назвать отца Гийома де Жерфаньона, открывшего и описавшего скальные памятники Каппадокии. Им также была составлена этническая карта северной части малоармянской миссии (бассейна р. Ешиль-Ўрмак) с обозначением в том числе расположенных здесь поселений кавказских иммигрантов [5, 103-119].

4. По замечанию одного из современников Пуадебара, «после Бога он превыше всего возлюбил Армению и авиацию» [6].

5. Там же он формулировал свое служебное и человеческое кредо: «Отдавайте бедному селянину, бедному горцу, бедному кочевнику, больным и покинутым. Они страдают и стонут в глинобитных хижинах и холщовых палатках, простирая к вам свои взоры и руки... Отдавайте! И Бог воздаст вам...» [8, 415].

6. Уже в 1868 г. английский консул в Анатолии Джиффорд Пэлгрейв доносил, что центральные долины Токата «почти полностью заселены черкесами... Число сел, по утверждениям, составляет 80, и еще около 30 расположено севернее; население их предположительно достигает 20 тысяч» [9, 130].

7. Пуадебар здесь абсолютно точен. Действительно, в Токате представлены двенадцать кавказских групп, если учитывать отдельные адыгские субэтноты и дагестанские народы (см.: [10, 309,330,355,415-417]).

8. По свидетельству консула Пэлгрейва, на первых порах османские власти возложили на М. Кундухова функцию «управления» поселенными в токатском регионе севе-

рокавказскими мухаджирами [9, 130], однако эта попытка не принесла ожидаемого эффекта. О поселении, жизни и деятельности Кундухова в Османской империи подробнее см.: [11].

9. По некоторым сведениям, особняк сгорел во время большого пожара в Батманташе в 1920-х гг. Предположительно именно тогда были безвозвратно утрачены в числе прочих документов рукописи стихов Темирболата Мамсурова [14, 18].

10. Подтверждение этому факту и другие видеосвидетельства относительно села Батманташ представлены в документальном фильме о современных турецких осетинах «С Осетией в сердце» (режиссер Т. Д. Туаева, Нарт-Арт студия, 2011 г.).

11. Из этого обстоятельства может быть сделан вывод о том, что по прошествии почти сорока лет после прибытия в Батманташ кавказских мухаджиров во главе с генералом Кундуховым там в среде элиты поселенцев все еще сохранялись привезенные из России традиции европейского образования.

12. Существующие версии этого стихотворения с развернутым комментарием были опубликованы Б. А. Алборовым [20, 274-280, 283-288, 323-326]. В дальнейшем оно включалось во все издания сочинений Т. Мамсурова.

ЧЕРКЕССКАЯ СВАДЬБА

Воспоминания миссионера из Армении

О Отчизна, Отчизна!
Мы не забыли тебя.
Мы увезли с собой наши тела,
Но ты не отпустила наши души.
Черкесский гимн о Кавказе
Мурад-бей

Когда после полувековой отчаянной борьбы Кавказ к 1863 году попал под власть царя, множество побежденных племен выслылось, дабы не быть вынужденными подчиняться христианскому монарху. «Давайте жить среди наших братьев-мусульман, — призвал один из их вождей, — чтобы наши кости упокоились в священной земле!»

Число черкесов¹, наводнявших в течение нескольких месяцев два крупных турецких порта на Черном море, Самсун и Трабзон, оценивается в двести тысяч. Султану пришлось принять меры, чтобы оказать помощь этим беженцам. Часть их он направил в Константинополь и Болгарию, большинству же отвел земли в Малой Азии. Провинция Сивас стала центром черкесской эмиграции. Этот исход продолжается медленными темпами, и ежегодно можно наблюдать прибытие с Кавказа целых сел.

Посреди Турции эти племена до сих пор сохраняют большую часть своих старинных обычаев: их жилье, одежда, язык, нравы нисколько не изменились. Хотя они и бежали с Кавказа ради избавления от власти царя, в сердцах их всегда жила любовь к прежней родине. На базарных площадях внутренних областей страны, столь живописных благодаря разнообразию перемешавшихся здесь рас, среди греков, армян, турок и курдов всевозможных типов и одеяний, легко можно узнать этих храбрых черкесских молодцев. С дикими взглядами, большими папахами из черного меха на головах, они неспешно прогуливаются, опер-

шись на украшенные чеканкой рукоятки своих длинных кинжалов.

* * *

На протяжении трех лет, проведенных мной в Токате² в качестве штатного помощника врача нашей медицинской миссии, мне часто представлялась возможность посетить их и пожить в их среде. Они приходили в наш диспансер, чтобы перевязать свои раны после буйных драк в горах и контрабандистских стычек³, а мы ходили в село ухаживать за их больными и умирающими. Там долгими зимними вечерами, сидя в хижине вокруг медного самовара⁴, из которого доносилось пение кипящего чая, старики рассказывали мне своими огрубевшими голосами легенды о Казбеке — «вечно белой горе». Затем какой-нибудь паренек снимал с вбитого в потолочную балку крюка старый аккордеон и запевал песню о Кавказе:

*Уа, нә бәстә, нә бәстә,
Ды махай рох куы нә дæ.
Æрмæст нә къодах рахастам,
Нæ уд, нæ бәстә баззадис⁵*

О Отчизна, Отчизна!
Мы не забыли тебя.
Мы увезли с собой наши тела,
Но ты не отпустила наши души.⁶

Я таким образом получил возможность близко познакомиться с одной из главных черкесских семей.

Однажды зимним вечером, когда я, будучи заперт снегом в доме, пытался по-

бороть скуку, тихо работая у своей печи, кто-то позвонил в дверь и позвал меня спуститься во двор. Это был гонец, спешно прибывший в поисках врача: Сефер-бей, молодой вождь села Батманташ, был очень болен и умолял нас приехать и вылечить его.

Как ехать? Село расположено посреди гор в четырех часах пути от города, а снег сделал дороги непроходимыми. «С доброй лошастью на сильных ногах да с крепким камчи⁷ (кнутом) где только не проедешь?» — сказал нам на это гонец.

На рассвете следующего дня мы отправились в путь, вооружившись ямчи⁸ (шубами) против холода и хорошими револьверами против волков. Ведь ночь вполне могла застать нас в пути. В результате, чтобы добраться до Батманташа, нам пришлось совершить шестичасовой утомительный переход по глубокому снегу. После восхода солнца холод немного спал, а снегопад прекратился. Временами лошади по самое брюхо утопали в снегу. Однако их ноги и вправду были сильны, а наши кнуты — крепки.

Наше появление в селе повергло в изумление старейшин племени, старых контрабандистов, привыкших путешествовать в любую погоду. Увидев нас, они воскликнули: «Чтобы прибыть к нам по таким дорогам, надо иметь дьявола в теле или самоотверженность в сердце!» Они явно склонялись ко второму предположению, и именно этого никогда в дальнейшем не забывали их огрубевшие души.

После целого дня, проведенного у изголовья больного, нам необходимо было собираться обратно в Токат. Прежде чем отпустить нас, мать вождя, пожилая дама почтенного и благородного вида, последняя представительница одного из древнейших кавказских родов⁹, пожелала поблагодарить нас. Стоя перед постелью своего сына, она обратилась к нам на черкесском языке с краткой речью, которую больной переводил для нас своим ослабевшим голосом. «Вопреки снегу и превратностям пути вы приехали, чтобы позаботиться о моем сыне, — сказала она нам с полными слез

глазами. — Вы это сделали во имя Бога, я знаю. Я благодарю вас и отныне считаю вас обоим своими детьми. Да пребудет Бог с вами!» Все еще находясь под впечатлением от этого искреннего и простого выражения признательности, мы сели на лошадей и вновь выехали на токатскую дорогу.

Благодаря искусству нашего доктора молодой бей¹⁰ полностью выздоровел, и, когда весной он спустился в город, свой первый визит нанес нам. «Отныне ваш дом — это дост-хане¹¹, дружеский дом», — сказал он. То же самое мы могли сказать про старинный конак¹² вождей Батманташа. С того времени нас в нем принимали как членов своей семьи.

* * *

17 октября того же года я получил от Сефер-бея записку следующего содержания: «Свадьба моего брата Ферхада состоится на следующей неделе. Доктор и вы, естественно, приглашены на нее. Так что приезжайте в ближайшую пятницу в село Чырчыр. Празднества начнутся там». Согласно старинному правилу, братья и друзья жениха отправляются за невестой в ее селение. Там устраиваются джигитовки и игры в соответствии с очень древними обычаями черкесских племен.

Присутствовать на свадьбе — это ли есть «ультрасовременная» апостольская миссия? Мне вспомнилось тогда духовное и разумное суждение монсеньора Леруа: «Ах, как важно для миссионера разговаривать с простым народом, интересоваться его мелкими делами или, по меньшей мере, производить такое впечатление! Творить чудеса ради обращения людей — это хороший прием, и отнюдь не следует обвинять тех, кто им пользуется, ибо есть достойные всяческого уважения примеры этого. Однако, помимо того, что этот метод доступен далеко не каждому, некоторые утверждают, что целесообразнее начать с того, чтобы воспитать в себе характер славного малого, ничуть не гордого, а, напротив, преисполненного терпения, снисхождения и доброты к бедным маленьким людям этих диких стран».

Отказаться от сделанного мне приглашения было невозможно ввиду сложившихся у меня с этой семьей отношений. Принимая же его, я оказывал всему племени огромный знак уважения и привязанности.

Мы выехали в путь ночью при свете луны. Крестьяне удивлялись встрече с всадниками в такой час в горах, но, услышав, как мы напеваем с высоты наших лошадей, понимающе говорили: «Жезвитлер хасталара гидийорлар!»¹³ — «Это святые отцы едут навестить больных!»

К восходу солнца мы достигли первых плато. Холодный ветер в сочетании с утренней сыростью изрядно морозил нас, но не мог помешать наслаждаться прекрасным зрелищем осени. На крутых склонах гор, окутанных фиолетовой дымкой, выделялись пожелтевшие после начала заморозков леса. А надо всем этим возвышался Йылдыз-даг — «Гора звезды» — в легких белоснежных облаках.

Спустя семь часов доброго марша мы, наконец, въехали в село Чырчыр, расположенное на обширном плато Меракюм, которое начинается у подножья Йылдыз-дага и тянется до самых подступов к Сивасу.

Село в этот час еще спало. Можно было видеть лишь женщин, идущих за водой к источнику, и пастухов, собирающих деревенский скот, чтобы погнать его на горное пастбище. Наше внимание привлек дом, стоявший несколько в стороне. Мы решили, что там мы будем чувствовать себя свободнее, оставаясь вне торжеств и имея возможность по своему усмотрению удалиться в эту изолированную резиденцию. Направив туда лошадей, мы объявили хозяину, что будем квартировать у него. Нет надобности в приглашении в дом черкеса. Попросить у него гостеприимства — самая большая честь, которую вы можете ему оказать.

Пока мы снимали с себя дорожную одежду, село проснулось и стало понемногу погружаться в праздничную атмосферу. Как выяснилось, два дня назад сюда прибыли двадцать всадников из Батманташа вместе со своим вождем Сефер-беем¹⁴. Им предстояло забрать невесту. Мы видели, как группа черкесов в полном облачении пересекла

площадь перед нашими окнами. Между тем из противоположного конца села послышалась музыка, простая и дикая одновременно. Хлопанье в ладоши, удары деревом по дереву ритмично перемежались звуками аккордеона. Время от времени несколько выстрелов, сопровождаемых хриплыми возгласами, прерывали мелодию. Коль скоро в дело вмешался револьвер, местный колорит можно было считать полным.

Слух о нашем приезде разошелся быстро. Больные не замедлили воспользоваться нашим присутствием. Мы начали с них, не подавая вида, что нас интересуют празднества. Среди прочих мы обнаружили ребенка лет шести, который накануне, играя, упал в костер. Рубашка, бывшая на нем, загорелась и обожгла половину туловища. Он лежал в углу, укрытый толстыми одеялами. Его огромную рану, которую я не смог осмотреть без содрогания, эти бедные люди посыпали слоем древесной пыли, той, что производят насекомые, разъедая балки и стропила в доме. Несмотря на этот своеобразный антисептик, малыш выглядел обреченным.

Закончив обход больных, мы вернулись к нашему хозяину. К этому времени наши друзья из Батманташа уже собрались там, чтобы увидеть нас. Они пригласили нас немедленно отправиться в дом, где проходила свадьба. Мы, однако, ответили, что пойдем только после того, как завершим оказание помощи больным, и гостиня вновь превратилась в больничную палату.

Тем временем, воспользовавшись минутным одиночеством, я подозвал одного из наших старых знакомых, Исмаил-агу¹⁵, и объяснил ему, что мы привезли с собой подарки: вышивку и револьвер. Кому их преподнести, чтобы не нарушить ни одного обычая? Идея оказалась удачной: именно так было принято поступать в прошлом, когда великий вождь желал засвидетельствовать кому-либо свое уважение и дружбу. «Один-единственный платок, исходящий от вас, уже был бы большой честью», — ответил Исмаил-ага. Было решено, что вышитая подушка станет призом на скачках с участием лучших наездников племе-

ни, а револьвер будет вручен жениху.

Наш славный Исмаил тут же удалился, ликуя оттого, что ему предстоит сообщить всем об этом. На большой площади собралось множество народа. Отец невесты, делая вид, что не согласен отдавать свою дочь, затеял длинную дискуссию. В этот самый момент и появился Исмаил. «Тише! — обратился он к собравшимся. — Я пришел объявить вам замечательную новость. Святые отцы привезли с собой подарки!» Самый старший из присутствующих, почтенный белобородый старец, с воодушевлением поднялся и, бросив свою большую папаху в середину круга, воскликнул: «О чудо! Так значит, эти эфенди¹⁶ соблаговолили не только присутствовать на нашем торжестве, но и принять участие в преподнесении нам подарков! Ступай, Исмаил, и скажи им, что старейшины польщены и тронуты их поступком». Стоит ли говорить о том, что спор немедленно прекратился. Отец тут же дал свое согласие.

После полудня начались игры и джигитовки. Стоя на плоской крыше одного из домов, мы в течение двух часов были свидетелями чрезвычайно занимательных наезднических трюков.

Село прислонено к горам и окаймлено красивой рекой, петляющей по равнине. В данное время года, когда зерновые скошены, это прекрасное место для занятий подобными упражнениями. Как и повсюду в черкесских селах, дома располагаются довольно разбросанно и оставляют между собой достаточно пространства для свободного маневрирования всадников. Река же образует естественное препятствие.

Двадцать всадников сели в седла. Один из них, державший в руках небольшой флажок, устремился вперед, остальные же должны были отобрать у него этот трофей. Это было головокружительное преследование по селу и прилегающей к нему равнине. Река лежала на пути мчавшихся во весь опор наездников, и им раз за разом приходилось совершать безумный спуск к ней с высоты крутого берега. Когда группа оказывалась в самом глубоком месте, ее окутывало облако сверкающих на солнце

брызг, поднятых копытами лошадей. Затем они взбирались на противоположный берег, и преследование возобновлялось.

После этой игры начались акробатические трюки. Кто-то скакал на своей лошади вниз головой и вверх ногами, кто-то — стоя во весь рост на седле. Другие, пустив своих лошадей во всю прыть, подбирали разложенные на земле яйца или одним выстрелом из револьвера разбивали их на полном скаку. А вот двое сошлись в борьбе, стараясь выбить соперника из стремян, при этом их лошади тоже дрались между собой и кусали друг друга в грудь. Два молодых парня во весь опор скакали бок о бок, пытаясь сбросить на землю друг друга. Один из них, изловчившись, схватил за хвост лошадь противника, изо всех сил подстегнул своего собственного скакуна и мощным ударом запястья полностью развернул и коня, и наездника, которые в величайшем изумлении обнаружили, что их волокут задом вперед на той же скорости. По прошествии какого-то времени все лошади были взмылены. Тогда дети заняли место своих отцов и, преисполненные гордости, вставив правую ногу в слишком длинные для них стремяна, совершили собственный заезд, который и завершил сегодняшнюю джигитовку¹⁷.

* * *

Не успели закончиться игрища, как перед домом невесты начались танцы. Черкесские танцы сильно отличаются от пространенных в этой стране. Здесь все абсолютно пристойно, и ничто не может смутить даже самый строгий глаз.

Девушки выстраиваются на одной стороне площади или зала, а юноши — на другой. Посередине находится один из старейшин племени, который руководит происходящим и своей длинной палочкой назначает танцоров. Молодые черкешенки наряжаются в старинный костюм: длинное, волочащееся по земле и закрывающее ноги платье; пояс из тяжелых золотых и серебряных изделий; корсаж, переходящий впереди в нагрудник из серебра с гравировкой. На голове легкая вуаль из вышитого золотом шелка, которая оборачивается вокруг

шеи, не скрывая при этом лица. Рукава завершаются длинным платком из ажурной ткани, который игриво развеивается между фигурами танцующих. Молодые люди также облачены в национальную одежду: длинную тунику, точно пригнанную к телу и ниспадающую до колен; белый капюшон с золотыми кисточками, элегантно обернутый вокруг паха и напоминающий своей формой средневековые шапероны; сапоги из мягкой кожи, поднимающиеся до середины бедра. На поясе, украшенном серебром с гравировкой, подвешены револьвер и длинный кинжал.

По знаку старшего одна из танцовщиц начала своими тонкими пальцами наигрывать на аккордеоне старинную черкесскую мелодию, простую и грустную, а молодые люди стали отбивать ритм громким хлопанием в ладоши¹⁸. Одна из девушек вышла в середину круга и с опущенными глазами стала ждать, когда кто-либо из танцоров предстанет перед ней. Затем она начала скользить по кругу, сопровождаемая своим кавалером, который в том же темпе, что и она, делал размеренные движения руками. С устремленным в землю взглядом и прямым неподвижным станом, двигая только руками, она плавно шла по образованному зрителями кругу. Искусство девичьего танца заключается в скольжении «подобно текущей воде», так, чтобы невозможно было заметить ни единого резкого движения в процессе этого кружения. Юноша, напротив, гордо выпятив грудь в своей длинной тунике, высоко нес голову. Он то прижимал руку к своему кинжалу, то опускал кулак к бедру, то поднимал вверх одну лишь правую руку, выполняя при этом сложные па и пируэты ногами. Танцоры преследовали друг друга на некотором расстоянии, скользя то вперед, то назад и обходя круг за кругом без малейшего соприкосновения. К первой паре вскоре присоединилась вторая, и теперь они уже вчетвером танцевали в той же манере. В течение всего этого времени музыка, сопровождаемая ритмичными хлопками рук, продолжала свой бесконечно повторяющийся однообразный и жалобный напев.

Внезапно раздалась револьверные выстрелы, сопровождаемые дикими криками. Это хозяин торжества, улучив момент, когда какая-либо танцовщица, скользя, проходит перед ним, стреляет так, что пули пролетают то на расстоянии двух пальцев от ее лица, то прямо перед ее ногами. Девушка при этом не должна даже моргнуть глазом, хотя она и слышит свист пуль рядом с собой. Такого посвящение в жизнь племени, где позже ей не раз придется видеть, как ее муж и сыновья прибегают к помощи кинжала или револьвера. Мне рассказали, что однажды какой-то растяпа всадил пулю в ногу танцовщицы. Та, не подавая вида, продолжала кружиться. Только когда кровь окрасила в багровый цвет траву, ее унесли внутрь дома.

С наступлением темноты были зажжены фонари, которые только добавили картине живописности. Мы удалились к себе заблаговременно, но до глубокой ночи все еще слышали музыку, выстрелы и пение.

* * *

Утро следующего дня мы провели, ухаживая за больными, а к полудню узнали, что кортеж готов тронуться в путь, чтобы отвезти невесту к ее новому очагу. Спешно были оседланы лошади, и двадцать всадников из Чырчыра приготовились присоединиться к тем, что прибыли из Батманташа, дабы в течение нескольких часов сопроводить их. Я вновь устроился на крыше, где находился вчера: с ее высоты я мог наблюдать всю сцену отправления.

Араба¹⁹ (повозка), которой предстояло принять невесту и ее подруг, стояла перед домом вождя. Она была покрыта белым сукном, украшенным красным орнаментом причудливых очертаний. На площади, оживленно разговаривая, ожидали молодые и пожилые всадники, все в великолепных костюмах и при своем лучшем вооружении.

Наконец, араба двинулась с места под звуки музыки, однако, согласно трогательному обычаю, она трижды возвращалась к воротам, чтобы девушка еще раз взглянула на свой отчий дом.

Однако кто все эти люди, вооруженные палками? А это сельские парни решили задержать всадников, увозящих невесту. Во весь опор они поскакали вперед. Под сыпавшимися, словно град, ударами их длинных палок лошади прижимали к голове уши, а всадники пригибали спины, но в конце концов линия обороны была прорвана.

Было видно, что у выезда из села эскорт вновь был остановлен. Послышались громкие крики. В чем дело? «Вы не уедете, если не разобьете выстрелами из револьвера эти яйца, лежащие на траве!» — таково было условие, дающее право на проезд. Батманташские наездники галопом помчались вперед, разнося яйца вдребезги.

Теперь дорога была открыта! Они быстро преодолели реку, и кортеж, веселый и оживленный, растянулся по широкой равнине. Всадники из обоих сел смешались воедино и окружили арабу.

Есть, однако, обычай, согласно которому увозящим невесту мстят тем, что похищают у них папаху. Это совершенно необузданные скачки с преследованием, в результате которых многие вечером возвращаются домой без головных уборов.

Внезапно несколько отчаянных всадников, один из которых размахивал только что украденной у кого-то папачой, ринулись вперед. Они описали большой крюк по равнине, затем резко повернули к селу и на полном скаку пересекли его. После этого они свернули на узкую дорожку, тянущуюся над примыкающим к горам рядом домов, и галопом пронеслись по их плоским крышам. Поднялся всеобщий крик: «Они разобьются! Остановите их!» Эта дорога оканчивалась крутым обрывом высотой в десять метров, по которому вниз сбегала, извиваясь, лишь козья тропа. Один из всадников неожиданно рухнул на землю, так как его лошадь угодила передними ногами в отверстие в чьей-то крыше, служащее дымоходом, но тут же поднялся, не получив, судя по всему, особых повреждений. Остальные тем временем продолжали преследование. Они достигли обрыва и, не снижая темпа, спустились по нему. Все это время похититель на великолепной вороной лошади находил-

ся впереди группы. Его уже вот-вот должны были схватить, когда тот, кто был к нему ближе всех, вдруг скатился вместе со своей лошадью в самый низ тропы. Дикие крики приветствовали победителя.

С подобными развлечениями кортеж ехал по равнине. В этот момент и мы подстегнули наших лошадей с тем, чтобы следовать за процессией на некотором расстоянии и иметь возможность видеть происходящее, но в то же время не смешиваться с участниками веселья. По прошествии часа все вновь остановились. Чырчырские всадники перед тем, как повернуть обратно в свое село, заставили батманташцев совершить еще один подвиг. На этот раз необходимо было на полном скаку прострелить двумя выстрелами лежащий на дороге шар, в который был вложен платок невесты. Вторая пуля достигла цели, и в воздух взлетел почерневший от дорожной пыли кусок светлой шелковой ткани. Это был конец. Все спешили, чтобы попрощаться друг с другом.

* * *

Две группы, уже не такие шумные, тепло и душевно расстались. Все мужчины из свадебного эскорта были нашими старыми друзьями и, когда арабе было позволено двигаться дальше, мы присоединились к ним и, беседуя, поехали по равнине. Лишь здоровяк Хасан, чтобы развеселить нас, время от времени скакал перед нами, как сумасшедший, и, зацепившись одной ногой за свое седло, подбирая с земли придорожные камешки.

На вершине горы, все еще отделявшей процессию от Батманташа, нас застали сумерки. Несколько минут спуска через рожицы сосен, и перед нами предстало село, ярусами расположенное на небольшом холме. Синие клубы дыма струились над крышами домов в вечернем воздухе. Судя по доносящимся звукам выстрелов, кортеж был замечен. Тогда группа построилась в определенном порядке. Впереди молодой вождь, следом два ряда всадников, затем повозка. Мы наблюдали издали в компании греческого папаза²⁰, также приглашенного на торжество.

Вдруг в вечерней дымке зазвучала торжественная и печальная песня. Это всадники затянули старый черкесский гимн Кавказу:

*Уа нә бастә, нә бастә*²¹

О Отчизна, Отчизна! Как жить без тебя?
Ты нам дороже собственной жизни,
И мы скорбим о тебе.

В этих мужественных, грубых голосах отражалась вся любовь эмигрантов к покинутой родине. Среди засушливых нагорий Турции они вновь на несколько мгновений представляли себя в своих красивых кавказских долинах и самозабвенно оглашали окрестности звуками своей национальной мелодии. Каждый куплет завершался выстрелом из револьвера и взрывом дикого крика.

У въезда в село их встретил один из старейшин. Согласно курьезному обычаю, для того, чтобы ввезти невесту в ее будущее жилище, эскорт должен выдержать еще ряд испытаний. Для начала нужно было разбить несколько яиц.

Склон, на вершине которого стоял большой дом вождя, был преодолен быстро. В старинном здании царила праздничная обстановка, а его крышу украшал флаг из белого и красного шелка.

Перед дверью стояла мать жениха. «Зачем вы пришли? — обратилась она к всадникам. — Я не желаю вас принимать». И по знаку, сделанному ею рабам²², дверь снова закрылась²³. В это мгновение шестеро всадников из эскорта во весь опор ринулись вперед и галопом ворвались в вестибюль, не обращая внимания на малую высоту входного проема. Тяжелые дубовые створы захлопнулись за их спинами. Изнутри слышались револьверные выстрелы и крики. Вслед за этим распорядитель свадьбы направил своего огромного коня прямо на закрытую дверь, которая в результате этого чудовищного удара распахнулась настежь. «Что вы хотите?» — вновь спросила его «госпожа Батманташа» (так ее называли пожилые рабы). «Мы привезли вам невесту для вашего сына Ферхада». «Будет хорошо,

если мой старший сын сам заплатит пошлину за вход, и я приму вас», — сказала она. Тут же на землю в нескольких метрах от дома были уложены яйца. Однако лошадь вождя, возбужденная от всех джигитовок этого дня, не соглашалась на очередное непростое упражнение. Впрочем, в конце концов и эти яйца разлетелись вдребезги. Тогда хозяйка замка вручила распорядителю свадьбы украшенную лентами палочку, и в толпу полетели мелкие конфеты. Невеста была принята в семью.

Мальчишки бросились к лошадям, чтобы увести их в конюшню, где они могли насладиться заслуженным отдыхом. А в большом вестибюле дома опять начались танцы. Под звук аккордеона и хлопанье ладош возобновилось пение с беспрестанно повторяющимся «плачем невесты»:

О возлюбленные отец и братья,
Вот я и увезена далеко от вас.
Разве не достаточно было ягнят для кражи
В овчарне моего отца?
Варвары, для чего вырвали меня из отчего
дома?

О возлюбленные отец и братья,
Вот я и увезена далеко от вас.

* * *

Соседние села тоже прибыли на торжество, что сделало собрание чрезвычайно живописным. Элегантные черкесские костюмы перемешались с пестрыми нарядами греков и грубо скроенными, каштанового цвета одеждами кызылбашей²⁴ (красноголовых). Мы лишь однажды на короткое время появились в большом зале для приемов, где нам было предоставлено почетное место. Вождь, знакомый с нашими привычками, имел деликатность приготовить для нас маленькую изолированную комнату в конце своего конака, из которой выходила небольшая дверь в сад. Туда мы могли легко удалиться, продолжая в то же время наслаждаться празднествами. Вооруженный раб постоянно находился на страже у нашей двери, и только наши близкие друзья имели право входить к нам.

Какой великолепный вечер мы провели там вместе со всеми нашими друзьями

ми! В этом доме я больше не чувствовал себя чужим. Наш знаменитый зимний переход не был забыт; он впечатался во все эти сердца, немного очерствевшие, чтобы содержать в себе самопожертвование и нежность. Каждый по очереди подходил приветствовать нас и посидеть некоторое время рядом с нами. Их радостные лица указывали на то, как они счастливы видеть нас в своем селе по данному поводу. Черкесы хоть и являются мусульманами, но ощущают себя здесь чужаками, настолько их нравы отличаются от местных. Они были тронуты интересом, проявленным нами к их старинным обычаям. «Мы живем по правилам нашей страны!» — говорили они нам с гордостью. И действительно, по ним можно было безошибочно судить о традициях их краев: одежде, музыке, танцах, этикете и более всего морали. На протяжении этих трех дней ни одно слово, ни один жест не могли оскорбить слух или взор ребенка. Лишь однажды какое-то слово сорвалось с языка вождя. Покраснев, он тут же извинился. «Простите, — сказал он. — Мы испортились, наше утро стало дурным». «Вы не похожи на нас, живущих подобно зверям, — добавил старый Идрис. — Порядочность, темизлик²⁵ (дословно — чистота) написаны у вас на лбу. Невинность — вот то, чем Бог отмечает облик человека».

Мы спокойно заснули вечером в нашей маленькой комнате, в то время как в другом конце старого конака по-прежнему раздавался черкесский гимн, который, по моему, приобрел еще более печальное звучание²⁶.

О Отчизна, Отчизна!
 Как жить без тебя?
 Отчизна, ты нам дороже собственной
 жизни,
 И мы скорбим о тебе.

Увы, дети мои, дети мои!
 Могла ли я ожидать от вас подобного?
 Почему, не рискуя своей головой,
 не пролив своей крови,
 Вы меня так покинули?

Я, начиная с вашего детства,
 Питала вас в моем лоне
 И, вырастив вас,
 Вывела в ряд мучей.

Я хранила ваши кости и ваш прах!
 Вы думаете о самих себе
 И судите меня
 Судом вашей совести.

Не только в моих глазах
 Вы виновны,
 Но вы ответственны
 В глазах целого мира.

Забывать
 Благодетеля
 Есть самая низкая
 Из постыдных вещей.

О, Отчизна, Отчизна!
 Мы не забыли тебя.
 Мы увезли с собой наши тела,
 Но ты не отпустила наши души.

Отчизна, не думай так,
 Что мы тебя забыли!
 Мы будем стремиться к тебе
 Нашим сердцем и нашей кровью!²⁷

Так они воспевали свою прежнюю родину. Я же думал об их утраченной религии²⁸ и тихо шептал молитву за эту сильную и благородную расу.

Мы стали свидетелями только начала торжеств, которым предстояло продлиться еще неделю. На следующее утро нам уже надо было думать об отъезде.

Прежде чем сесть в седло, мы послали гонца к по-прежнему невидимому жениху, чтобы передать ему в дом, куда он удалился, наши пожелания счастья и попросить принять памятную вещь в знак нашей дружбы. Доставил ему наши пожелания и подарок Исмаил-ага.

Поскольку у главного входа не прекращались танцы, лошадей нам подвели к маленькой двери в сад.

Перед выходом мы попросили Сефер-бея передать поклон его матери. Пожилая госпожа вошла в комнату и осталась наедине со своим сыном и нами. «Как выразить вам, — сказала она просто, —

что я почувствовала, узнав, что вы выехали ночью в путь, чтобы присутствовать на нашем празднике? С прошлой зимы я считала вас обоих своими детьми, и сегодня вы мне доказали, что ими являетесь. Через несколько дней состоится обряд открытия сундука, где хранится приданое невесты. Все члены семьи должны там присутствовать, и я на этой церемонии буду представлять вас обоих». Мы на лучшем турецком, на который только были способны, ответили ей единственной фразой в том духе, что, плохо владея искусством красноречия, мы откликаемся сегодня на эту любезность не нашим языком, но нашим сердцем.

Все наши друзья ждали нас снаружи рядом с лошадьми. Теплые рукопожатия на французский манер сопровождали черкесское прощальное «Аллах ироз инче!»²⁹ — «Вверяю тебя Богу!»

Спустя несколько дней один молодой бей в великолепном костюме на лошади прибыл в Токат и попросил меня выйти в гостиную. «Вот, — сказал он, — несколько вещей, которые наши молодожены послали вам как членам семьи». Это были небольшие предметы, сплетенные из серебряных нитей: шнур для револьвера, подставка-подушечка для часов с длинной цепочкой и, наконец, черный кожаный кошелек, на котором, в соответствии с чьим-то утонченным замыслом, был вышит маленький красный крест, оправленный серебром.

* * *

В минувшем июле наступило время возвращаться во Францию на несколько лет. Пока корабль вез меня в Константинополь, я, безразличный к бегущим мимо нас крутым лесистым берегам Черного моря, прислонясь к перилам, думал обо всех тех друзьях, которых оставил в горах внутренней части этой страны. Так много воспоминаний проплывало передо мной: верховые переходы по снегу и через бесконечные леса, непринужденные беседы в хижинах или у прохладных источников, часы, проведенные в уходе за больными и в разговоре с Богом об умирающих... И друзья — Иса, Идрис, Исмаил... Но более всего слова старого вождя с белой бородой, в изумлении произнесенные им, когда он увидел нас прибывшими в такую даль без какой бы то ни было оплаты: «Что за прекрасная страна Франция, коль скоро она стремится делать добро для других!»

От всего этого рождалась глубокая симпатия к этой расе, остающейся столь гордой и благородной, несмотря на постигшие ее беды, и незаметно для себя я начал напевать вполголоса старый черкесский гимн:

О, мы не забыли тебя.
Мы покинули тебя,
Но ты не отпустила наши души.

А. Пуадебар

Перевод с французского Г. В. Чочиева

Примечания

1. «Черкес» — это слово Circassien, произносимое на турецко-азиатский манер, где с превращается в ч.

2. Токат (30000 жителей) расположен в 200 км от Самсуна в вилайете (провинции) Сивас. Пост миссии Малой Армении.

3. В данном случае речь идет в первую очередь о внутренней контрабанде табака. После учреждения в 1883 г. в Стамбуле контролируемой консорциумом европейских банков компании «Режи» и передачи ей Портой монопольного права на торговлю табаком (налоги от которой шли в счет погашения османского внешнего долга) в Анатолии получили широкое распространение незаконные производство и оборот этого продукта, отчасти как форма народного сопротивления диктату властей и иностранного капитала. Судя по многочисленным свидетельствам, северокавказские иммигранты играли заметную, а местами и главенствующую роль в этом доходном, но опасном промысле (см., например, воспоминания генерального директора «Режи»: [21, 195-197,261]). По некоторым данным, с 1883 по 1925 г. в стране в столкновениях между контрабандистами и стоявшими на страже интересов упомянутой компании силами правопорядка было убито с обеих сторон более 20 тыс. человек [22, 99] (*прим. пер.*).

4. В оригинале по-русски: samovar. Это слово вошло и в турецкий язык в форме *семавер*. Как известно, в распространении в Анатолии культуры самоварного чаепития немаловажную роль сыграли северокавказские мухаджеры (*прим. пер.*).

5. Нами слегка скорректированы орфография и пунктуация этого четверостишия. В оригинале статьи осетинский текст передан средствами французского алфавита с высокой степенью фонетической точности и аккуратности (рис. 3). Обращает на себя внимание, например, последовательное употребление латинских букв с диакритиками è, é и ï для передачи осетинских звуков *æ*, *ы* и *й* соответственно. Незначительные отклонения от современной литературной нормы (*ку* вместо *куы*, *рахасдам* вместо *рахастам* и др.) объясняются, скорее всего, диалектной спецификой. Следует указать, что во французском издании в первом слове четверостишия допущена явная опечатка (*Она* вместо *Оуа*), устраненная, впрочем, при повторном цитировании этой же строки несколькими страницами ниже (рис. 4). Нельзя исключать, что Пуадебаром здесь воспроизведен фрагмент принадлежащей самому Т. Мамсурову авторской рукописи стихотворения или ее копии, сделанной кем-то из близких поэта; в этом случае данная строфа должна отражать графическую систему, которой пользовался поэт при написании своих произведений на осетинском языке (*прим. пер.*).

6. Русский перевод сделан с французского варианта четверостишия, предложенного Пуадебаром (*прим. пер.*).

7. *Камчи* (тур.) — кнут, хлыст (*прим. пер.*).

8. *Ямчи* (тур.) — бурка (*прим. пер.*).

9. Семья вождей Батманташа принадлежит к племени кабардинцев. Это племя, считающееся среди черкесов самым благородным, имело честь дать императрицу российскому трону. Царь Иван Грозный в 1560 году женился на Марии, дочери Темрюка, вождя Кабарды. Именно оно в прошлом веке также поставило императорской гвардии Санкт-Петербурга черкесский эскадрон, всегда столь отмечаемый в парижских журналах (*Revue des Deux Mondes*, avril 1881. *La Russie dans le Caucase*).

10. *Бей* (тур.) — титул родоплеменной и феодальной знати на османском Ближнем Востоке. Использовался в том числе по отношению к представителям высших слоев северокавказских народов (*прим. пер.*).

11. *Дост* (тур.) — друг, *хане* (тур.) — дом (*прим. пер.*).

12. *Конак* (тур.) — особняк, дворец; резиденция местной администрации (*прим. пер.*).

13. В дословном переводе с турецкого означает «Иезуиты едут к больным» (*прим. пер.*).

14. Сам жених остается невидимым на протяжении всех торжеств и появляется лишь в самом конце.

15. *Ага* (тур.) — состоятельный и пользующийся общественным авторитетом человек (в сельской местности Турции) (*прим. пер.*).

16. *Эфенди* (тур.) — господин; благородный, образованный человек (*прим. пер.*).

17. «Вот, — сказал мне в тот момент один пожилой черкес, — как мы делаем из наших детей наездников. Жеребенка вылавливают с помощью аркана из сельского табуна, и наш мальчишка садится на него без узды и седла. Животное отпускают, и оно, чувствуя на своей спине непривычный груз, совершает тысячу прыжков, чтобы освободиться от него, а затем начинает бежать, словно обезумевшее, через рощи и луга. Один ребенок из тысячи гибнет, остальные же становятся хорошими наездниками».

18. В черкесской музыке преобладают минорные тона, как это по большей части свойственно восточной музыке.

19. *Араба* (тур.) — арба, повозка, телега (*прим. пер.*).

20. *Папаз* (тур.) — священник, поп (*прим. пер.*).

21. В оригинале: *Oua nèbestè, nèbestè* (*прим. пер.*).

22. Рабство у черкесов. Хотя османское законодательство в принципе упразднило рабство, в действительности этот древний обычай еще существует среди черкесских племен, эмигрировавших в Малую Азию. В прошлом рабы составляли самое большое богатство черкесских беев. Один раб в настоящее время стоит от 100 до 150 турецких лир (2000-3000 франков). Число рабов уменьшается, но оно по-прежнему значительно.

«Что представляют собой ваши рабы?» — спросил я однажды молодого бея, обосновавшегося в Токате. «Раб, — сказал он мне, — это как собака, осел, как домашнее животное: его труд, его личность, его дети принадлежат тебе; ты можешь делать с ним все, что захочешь». Хозяин продает детей своих рабов. Молодые черкешенки, как известно, пользуются большим спросом в гаремах Востока. Несколько лет назад в горах один старый черкес с белой бородой остановил святого отца, проезжавшего через село, и, обхватив за шею его лошадь, взмолился: «Умоляю тебя, сделай что-нибудь для меня. Я раб. Моих детей продают одного за другим и увозят далеко от меня так, что я никогда не знаю, куда их забрали и что с ними стало».

23. В силу того, что иерархическая сословная структура северокавказских групп оставалась малопонятной в не знавшем жесткой социальной стратификации османском обществе, недифференцированным термином «раб» (турецким *кёле* или арабским *эсир*) здесь принято было обозначать всех лично зависимых членов иммигрантских общин, то есть собственно рабов, холопов, крепостных и т.п. Европейские авторы, как правило, также придерживались этой традиции (*прим. пер.*).

24. Кызылбаши или «красноголовые» — это широко распространившаяся мусульманская секта в центральной части Малой Азии. Некоторые ученые называют их потомками местных христианских общин, обращенных в ислам во время турецкого завоевания. Это мнение представляется наиболее правдоподобным.

25. *Темизлик* (тур.) — чистота (*прим. пер.*).

26. Эта песня, где эмигрировавшие в Турцию черкесы ведут разговор со своей родной, принадлежит одному из самых видных вождей этой эмиграции Мурад-бею, умершему четыре года назад в Токате.

27. Русский перевод сделан нами с французского варианта текста песни, опубликованного Пуадебаром (рис. 5) (*прим. пер.*).

28. В семнадцатом веке эти племена были христианами. Среди оставшихся в России некоторые все еще ими являются.

29. Вероятно, испорченная турецкая прощальная формула *Аллаха ысмарладык* (букв. «Мы вверили Богу») (*прим. пер.*).

*Ona, nèbèstè, nèbèstè,
Démakhaï rokh kounèdè.
Ermèst nèkodakh rakhasdam,
Nèoud, nèbèstè, bazadis.*

**O Patrie, Patrie,
Nous ne t'avons pas oubliée.
Nous avons emporté nos corps ;
Mais tu as gardé nos âmes.**

Рис. 3. Четверостишие из осетинской песни («гимна») и его французский перевод
(источник: [1, 572])

Oua nèbestè, nèbestè

• • • • •

Рис. 4. Первая строка того же четверостишия с исправленной опечаткой в первом слове (но с появившейся опечаткой во втором и третьем) (источник: [1, 581])

**O Patrie, Patrie.
Comment vivre sans toi ?
Patrie, tu nous est plus chère que nous-mêmes
Et nous te pleurons.**

**Hélas ! mes enfants, mes enfants,
Pouvais-je attendre pareille chose de vous ?
Comment ? sans risquer votre tête, sans verser votre sang,
Vous m'avez ainsi abandonnée.**

**Moi, depuis votre enfance,
Je vous ai nourris dans mon sein ;
Et en vous faisant grandir
Je vous ai mis au rang des hommes.**

**Moi, je gardais vos os et vos cendres !
Vous, réfléchissez en vous-mêmes
Et jugez-moi,
Sur le tribunal de votre conscience.**

**Ce n'est pas seulement à mes yeux
Que vous êtes coupables,
Mais vous êtes responsables
Aux yeux du monde entier.**

**Oublier
Un bienfaiteur
Est la plus basse
Des choses honteuses.**

**O Patrie, Patrie,
Nous ne t'avons pas oubliée
Nous avons emporté nos corps,
Mais tu as gardé nos âmes.**

**Patrie, ne pense pas ainsi
Que nous t'oublions !
Nous te chercherons
Avec notre cœur et avec notre sang !**

Рис. 5. Полный текст осетинского «гимна» села Батманташ на французском языке
(источник: [1, 584])

1. *Poidebard A.* Une noce tcherkesse: souvenirs d'un missionnaire d'Arménie // *Études. Revue fondée par des pères de la Compagnie de Jésus.* 1907. T. 113. P. 571-586.
2. *Karpat K. H.* Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
3. *Piolet J.-B.* Les missions catholiques françaises au XIXe siècle. T. 1. Missions d'Orient. Paris: Librairie Armand Colin, 1900.
4. *Luisier P.* Présence des Jésuites en Turquie au XIXe et au XXe siècle // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age.* 1998. T. 110. No 2. P. 783-794.
5. *Ruggieri V.* Guillaume de Jerphanion (1877-1948) as Jesuit and Scholar in Turkey // *Perceptions of the Past in the Turkish Republic: Classical and Byzantine Periods*/Ed. by S. Redford, N. Ergin. Leuven: Peeters, 2010. P. 101-126.
6. Известные иезуиты: Антуан Пуадebar // Общество Иисуса в России и СНГ [электронный ресурс]. URL: <http://www.jesuit.ru/иезуиты/известные-иезуиты/217-антуан-пуадebar>.
7. *Denise F., Nordiguian L.* Une aventure archéologique: Antoine Poidebard, photographe et aviateur. Marseille: Éditions Parenthèses, 2004.
8. *Poidebard A.* En Asie-Mineure // *Les missions catholiques.* 1906. T. 38. P. 401-404, 413-415.
9. Report on the Provinces of Trebizond, Sivas, Kastemouni, and Part of Angora, by Mr. Consul W. Gifford Palgrave. January, 1868 // *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series B. Vol. 6*/Ed. by D. Gillard. [Frederick, Md.]: University Publications of America, 1984. P. 94-168.
10. *Andrews P. A.* Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989.
11. *Чочиев Г. В.* Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // *Кавказский сборник.* М., 2006. Т. 3 (35). С. 65-86.
12. *Girard [D.-M.]* Le Yeldez Dagh: excursion de Sivas à Tokat // *Les missions catholiques.* 1902. T. 34. P. 70-72, 83-84.
13. *Срвандзтянц Г.* Торос Ахпар: путеводитель по Армении (путевые очерки). Сокр. пер. с арм. А. О. Кишмишева // *Материалы для этнографии и географии Азиатской Турции.* Тифлис, 1885 (Прил. к ИКОИРГО, т. VIII, вып. 2). С. 1-62.
14. *Кантемир А.* Муса Паша Кундухов // *Кавказ (Le Caucase).* 1936. No 4 (28). С. 13-19.
15. *Batmantaş Köyü* // *Batmantaş Köyü* [электронный ресурс]. URL: <http://batmantas.tr.gg/>
16. *Чурикба В. А.* Расселение абхазов и абазин в Турции // *Джигетский сборник*/Под ред. Д. К. Чачхалиа. М.: АКВА-Абаза, 2012. Вып. 1. С. 21-95.
17. *Sülalelerimiz* // *Sivas Yıldızeli Kaledes Köyü* [электронный ресурс]. URL: <http://kaledeskoyu.tr.gg/s.ue.lalelerimiz.htm>
18. *Ünlü Yemeklerimiz* // *Sivas Yıldızeli Kaledes Köyü* [электронный ресурс]. URL: <http://kaledeskoyu.tr.gg/.ue.nl.ue.-yemeklerimiz.htm>
19. *Kaledes Hakkında* // *Sivas Yıldızeli Kaledes Köyü* [электронный ресурс]. URL: <http://kaledeskoyu.tr.gg/kaledes-hakk%26%23305%3Bnda.htm>
20. *Алборов Б. А.* Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров (1843-1899) // *Известия Горского педагогического института.* Владикавказ, 1926. Т. 3. С. 262-325.
21. *Rambert L.* Notes et impressions de Turquie: l'Empire ottoman sous Abdul-Hamid II (1895-1905). Genève: Édition Atar, 1926.
22. *Doğruel F., Doğruel A. S.* Osmanlı'dan Günümüze Tekel. İstanbul: Türkiye Tarih Vakfı, 2000.